

Ласкер Эммануил

Мой матч с Капабланкой

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 379.8
ББК 77.056я92
Э56

Э56 **Эммануил Л.**
Мой матч с Капабланкой / Ласкер Эммануил – М.: Книга по Требованию,
2022. – 63 с.

ISBN 978-5-519-92521-1

Культура. НаукаПросвещение. Физическая культура и спорт. Шахматы.
История шахмат. Куба. Персоналии деятелей шахмат. Капабланка, Хосе Рауль
1888 - 1942 - шахматист. Исследование и характеристика деятельности. Ме-
тоды работы

ISBN 978-5-519-92521-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории шахматных состязаний борьба за первенство мира занимает особенно почетное место. В ней могут принять участие лишь многократные победители больших международных шахматных турниров, так сказать, лучшие из лучших. В силу существующей традиции звание чемпиона мира можно приобрести только в матче, вернее, в борьбе один на один, т. е. той форме состязаний, где, по сравнению с турнирами, элемент случайности сводится к минимуму.

Борьба за мировое первенство введена в международную практику Стейнцем, который в 1888 г. дал возможность Цукерторту оспаривать у него это звание. Ласкер, выиграв в 1895 г. матч у Стейница, в продолжение 25 лет отстаивал мировое первенство, побеждая всех своих выдающихся соперников (Маршалл, Тарраш, Яновский, Шлехтер). Не удивительно поэтому, что шахматный мир с нетерпением ждал его встречи с Капабланкой, который в течение нескольких лет выдвинулся в число главных претендентов на шахматное первенство. Однако, организовать матч на первенство мира не так легко; помимо всех прочих препятствий главной помехой служат обычно затруднения финансового характера. То же имело место с матчем Ласкер — Капабланка, переговоры о котором тянулись около 10 лет. Наконец, после войны удалось осуществить этот долгожданный матч. Он состоялся в 1921 г. в Гаванне и окончился ошеломляющим поражением Ласкера.

Не столько самый факт поражения, сколько форма его и содержание партий заставляли думать, что, наряду с другими причинами, стареющий Ласкер уже не в силах был оказать сопротивление молодому и гениальному Капабланке. Карьера Ласкера казалась конченной. Шахматный мир с интересом прочел брошюру Ласкера о матче, но недоверчиво отнесся к его объяснениям. Симпатии шахматистов постепенно переходили на сторону Капабланки.

Прошло два года, и Ласкер неожиданно снова появился на шахматной арене. На турнире в Острове Моравской он легко взял первый приз, разбив на голову всю европейскую молодежь. Через год мы видим его в Нью-Йорке, где участвуют Капабланка и все выдающиеся шахматисты мира. И что же? Ласкер, и здесь, демонстрирует свою былую силу и, несмотря на упорную борьбу, завоевывает первое место, опередив даже Капабланку. Так реабилитировал себя Ласкер, и теперь, на фоне указанных событий, его книжка приобретает новое значение; это уже не попытка оправдать в глазах шахматного мира свою неудачу, а объективное изложение того, что было.

Язык Ласкера мало литературен и, поэтому, его книжка не без дефектов с этой стороны. Многое из сказанного в ней покажется спорным, а с некоторыми выводами, в особенности касающимися ничейной смерти шахмат, читатель вряд ли согласится; наконец, и сама тема, матч Ласкер — Капабланка, достаточно освещена в русской печати.

Но, несмотря на все это, книжка Ласкера представляет в целом большой интерес, главным образом, как своеобразный исторический и, еще более, психологический документ. Поэтому, отсутствие ее в нашей литературе представляется нам заметным пробелом, который настоящим изданием мы считаем нужным пополнить.

С. О. Вайнштейн

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эта книжка очень не велика, но тем не менее я не хочу отказаться от общепринятого предисловия. Читатель найдет в ней факты, примечания и предложения. Быть может она возбудит интерес к шахматам. От высказанных здесь предложений я жду, что ближайшие годы шахматной жизни докажут их необходимость.

Э. Ласкер

Берлин, февраль 1922 г.

МОЙ МАТЧ
С КАПАБЛАНКОЙ

История матча

Матч с Капабланкой имеет историю, охватывающую целых десять лет. В 1911 г., во время моего кратковременного посещения Соединенных Штатов Америки, молодой маэстро письменно запросил меня об условиях матча со мной на первенство мира. Через несколько дней я выработал эти условия и сообщил их Капабланке. Последний опротестовал один пункт условий, назвав его некрасивым („unfair“) и, апеллируя к шахматной прессе, прервал переговоры.

В этом споре многие шахматисты, особенно Англии и Аргентины, стали на сторону Капабланки и, по моему мнению, совершенно несправедливо. Спорное условие гласило, что, если конечный итог тридцати матчевых партий приведет к результату 1:0, 2:1 или 3:2, то матч считается оконченным в ничью. Отсюда некоторые, напр., Берн, сделали вывод, что я стараюсь добиться значительных выгод в свою пользу, ибо в случае ничейного исхода звание чемпиона мира остается за прежним его обладателем, т. е. за мною. Однако, те же критики не обратили внимания на то обстоятельство, что матч шел на крупную денежную сумму. Вышеуказанное условие было справедливо при распределении этой суммы и одинаково выгодно для обеих сторон. То же обстоятельство, что звание чемпиона мира оставалось за мною,

хотя я и был бы побежден с результатом 1:0, 2:1 или 3:2, по существу не имело для меня никакой ценности, т. к. при таком исходе звание чемпиона для меня только тогда получило бы значение, если бы я решительно отвоевал его вновь в матч-реванше. Звание само по себе, ведь, никаких существенных выгод не дает, пока оно не признано всем шахматным миром: ибо чемпион мира, не имеющий за собой шахматного мира, на мой взгляд смешон. Вопрос этот мог быть легко разрешен при продолжении переговоров. Однако, спор тотчас же принял столь оскорбительный оборот, что продолжение переговоров стало для меня невозможным.

В шахматной прессе 1912—1914 г.г. довольно часто высказывается утверждение, что я ни разу не решился подвергнуть свое звание серьезному испытанию и только потому удерживал его. У Капабланки в шахматной прессе было очень много друзей, поддерживавших его точку зрения, которые, однако, не желали даже ознакомиться с уже опубликованными документами.

Я был готов играть матч с любым претендентом, лишь бы только шахматный мир пожелал видеть этот матч и готов был подтвердить это желание не только словами, но и жертвами со своей стороны. Я отнюдь, конечно, не желал быть объектом эксплуатации. Мне угрожала участь шахматистов, которые либо умирали с голоду, как Кизерицкий, Цукерторт, Мэкензи, либо, подобно Пильсбери и Стейницу, попадали на общественное призрение и, опустившиеся, в душевном расстройстве, кончали свою жизнь в больнице. Я готов был отдать мое искусство и мысль шахматному миру, и тем оживить его, содействуя развитию игры, но я требовал, чтобы он взял на себя ответственность за это и нес ее до конца.

До сего времени шахматный мир слишком легко относился к своим обязанностям. Так как никто не нес никакой личной ответственности за их выполнение, то среди шахматистов установилось мнение, что таких обя-

занностей вообще не существует. Когда какой-нибудь юный талантливый игрок возносится до небес, не удивительно, что он отдается игре и видит в том свое призвание. Это очень нравится шахматному миру. Выступление, хотя бы Морфи, Пильсбери или Харузека, вносит новые краски и настроение в шахматную жизнь, а молодой человек находит удовлетворение в лести и похвалах. Но позже, когда он становится зависимым от шахмат, некуда уже обращаться, и быстро наступают нищета и разочарование. И это лежит на совести шахматного мира.

Конечно, мне возразят, что шахматы не могут быть признаны профессией. Но миллионам шахматистов, разыгрывающих опубликованные партии маэстро, учась на них и получая духовное наслаждение, не следовало бы держаться такой точки зрения. Опираясь на подобные аргументы, музыкальный мир мог бы лишиться куска хлеба профессиональных талантливых музыкантов, что, конечно, было бы явной несправедливостью. Только те, кто всецело посвящают себя определенному делу, могут дать что-нибудь великое в этой области. Нельзя требовать от творчески одаренных шахматистов, чтобы они имели побочную профессию, ибо в таком случае они только разбросали бы свои силы и время и не развили бы своих способностей до мастерства ни в той, ни в другой области.

Эту точку зрения я защищал также перед организаторами международных турниров. Обычный порядок организации их приводит маэстро к гибели, т. к. расходы участников турнира превышают назначенные призы. Между тем, я принял участие в Петербургском турнире 1914 г., где я выговорил гонорар в 500 р. за каждую партию. Там встретил я Капабланку. Я получил первый приз, Капабланка второй. На заключительном банкете мы протянули друг другу руки и предали забвению наш прошедший спор.

Затем разразилась мировая война, и после недолгого одушевления наступили годы забот и голода. После войны шахматисты Швейцарии, Дании и Голландии приняли меня самым радушным образом. В начале 1920 г. я встретил в Голландии Капабланку. Мне указывали, что весь шахматный мир с нетерпением ожидает матча на первенство мира между мной и Капабланкой, и таким образом, в феврале 1920 г. состоялось соглашение, подписанное мною, Капабланкой и правлением Голландского Шахматного Союза.

Основные условия следующие: матч играется на большинство из тридцати партий; пятнадцать ходов в час. Гонорар — восемь тысяч долларов и возмещение расходов маэстро. Мой план был одну половину партий играть в Голландии, а другую в Соединенных Штатах. Большой интерес, возбужденный матчем в публике, позволял легко собрать гонорар путем продажи входных билетов. Притом я надеялся, что Голландский Шахматный Союз сумеет сговориться с руководящими шахматными кругами Соединенных Штатов и сделает мне соответствующее предложение, которое я охотно бы принял.

Идея эта, однако, потерпела крушение. Причин я не знаю и по сие время, и не желал бы предаваться бесплодным догадкам. Мне известно, что Английский Шахматный Союз по побуждению Голландии высказался по поводу этого проекта. Он отклонил его и официально заявил, что ни копейки на матч не пожертвует. Это смутило Голландию. К судье В. П. Шиплей поступил запрос от Манингэттенского Шахматного Клуба, не согласуясь ли я вместо предположенных четырех часов в день играть пять; это, мол, облегчит организацию матча. Я не ответил на это предложение, т. к. оно ухудшало положение более старого из маэстро, который, очевидно, утомляется гораздо скорее более молодого, и вообще такая долгая игра без перерыва являлась нововведением. В Чикаго были собраны для матча две тысячи долларов.